

СЛАВЯНО-ИРАНСКИЕ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ:
ДВУСЛОВНЫЕ ИМЕНА С КОМПОНЕНТАМИ
*SLAVЪ : *ŠRAUĀH-

Сравнительная грамматика иранских и славянских языков оперирует не только общим для иранского и славянского индоевропейским грамматическим, лексическим и т.д. наследием, она также опирается на сумму явлений, которые совместно переживались представителями обеих языковых групп в периоды их длительных контактов. Свидетельством подобных явлений на лексическом и словообразовательном уровнях выступает хоть и ограниченный, но все же довольно длинный список аналогий, которые условно делятся на три типа: 1) функционирование в обеих группах языков генетически единой словообразовательной модели (даже при условии диахронических изменений в деривационной семантике соответствующего аффикса); 2) образование слов с однотипной семантической структурой от этимологически тождественных основ; 3) полное этимологическое совпадение структуры производных лексем в обеих языковых группах; 4) образование слов по типологически близкой или тождественной схеме, которая определяется спецификой ее компонентов и их порядком. Применительно к заявленному выше предмету исследования актуальными оказываются три последних типа аналогии: поскольку речь идет о дериватах-композиатах, интерес представляют случаи, демонстрирующие как *генетическое единство обеих* частей композит в иранском и славянском, этимологическое родство *одного* из составляющих в ирано-славянских соответствиях при этимологическом отличии (но семантической близости) другого, так и *отсутствие этимологического родства* компонентов сложений при типологическом сходстве самой логики соединения частей композит, общности построения их семантики.

В качестве материала для наблюдения была избрана антропонимическая лексика, включающая компоненты псл. *slav- 'известность', 'слава' : иран. *šrauāh- 'слово', 'репутация', 'учение', которая в силу своей принадлежности к сфере этики тесно соприкасалась с группой слов религиозно-правового содержания. Поскольку славяно-иранские контакты во многом носили характер культурного взаимообогащения именно в нравственно-религиозной плоскости, его следы логично искать также и среди личных имен, принадлежавших

в обоих языках к словарю религии, морали. Теоретически вероятно, что часть приведенных ниже имен действительно отражает результат *совместного переживания* иранским и славянским общих инноваций (антропонимия других индоевропейских языков, также использующих рефлексы *kleu-/ *kloç-, не имеет полных этимологических и типологических аналогов рассматриваемых ниже примеров). Но также не исключено, что какая-то часть славянских лексем является *результатом калькирования* (полного или частичного) иранских сложений, что в значительной мере облегчалось генетическим родством и семантической близостью составных элементов имен в обоих языках (отличие слав. лексем с компонентом *slav- от арийских аналогов заключается в долготе корневого гласного: псл. $a < \bar{a}$ – результат продления *o* в презентной основе как способ образования имени от глагола уже на славянской почве: *slovŏ (praes. к *sluti, *slyti) > *slava, ср. *trovŏ (к *truti) > *trava и др.; напротив, иран., инд. *a* продолжает еще *индоевропейские* краткие *e, o*). Об иранском влиянии на исследуемый славянский тип имен-компонит (ср., напр., антропонимию с элементами *bogъ, *mirъ) см.: [7; 1].

Двуосновные имена с указанными компонентами фактически являются свернутыми устойчивыми сочетаниями-формулами, фразеологизмами этического, идеологического содержания (близкую ситуацию находим, напр., в системе антропонимов с псл. *mirъ, ср.: [7]). «Несвернутые» формулы сохраняются и в современных языках или же прослеживаются по письменным памятникам, что позволяет в ряде случаев верифицировать сравнения, определить смысл соединения частей композит.

1. Псл. *boguslavъ, *bogoslavъ ~ мид. *bagasravah-

О продолжениях псл. лексем (ср. болг. *Богослав*, др.-чеш. *Bohuslav* и др.) см.: [9: 2, с. 161; 14, с. 34: богъ]. Сюда же чеш. *Božislav*, др.-пол. *Bodzislaus*, пол. *Bożysław* [14, с. 34]. Их ближайшим структурно-этимологическим соответствием является мид. *bagasravah- ‘божья слава’ или ‘имеющий славу от Бога’, известное по араб. *bgsrw*, аккад. *ba-ga-(‘a)-sa-ru-ú, ba-ak-ka-su-ru-ú, ba-ag-sa-ru-ú* [11, с. 58–59].

2. Псл. *dě(jъ)slavъ ~ иран. *Kṛtaśraṇah-

Др.-пол. *Dziesław, Dzislaw*: *Cum Dzeslao, cum Anna de Nadarsice ... Tego zaluiu na Dzesława y na Anna ...*, 1402 г., *Dzissław de Grabkowicz*, 1400 г., *Nicolao Dyslow*, 1349 г. [17: I, с. 559]. Первая часть соотносительна с *dě(jati) ‘де(ла)ть, совершать’. Касательно иранского эквивалента ср. парф. *krtsrw* [*Kerdsraw*] – передача ср.-перс. имени, восходящего к *Kṛtasrawah- ‘(Обладающий) славой (благодаря своим) деяниям’ [3, с. 101].

3. Псл. *Miroslavъ ~ иран. *Miṛra-šraça-

О псл. *Miro-slavъ (ср. серб., хорв. *Miroslav*, др.-чеш. *Miroslav*, др.-рус. **Мирославъ** и др.) см.: [7, с. 47]. Иран. эквивалент представлен мидийским *mišrasvavah- = ‘Слава Митры’ в арамейской записи *mīrshr* [11, с. 167–168: вторая часть соотносена с авест. *svavah-*]. О возможном знакомстве будущей «русской» части славянства с митраизмом (соответственно и с относящейся к нему антропонимией) см.: [7, с. 125: со ссылкой на работы Г. В. Вернадского]. Ср. также [2, с. 46–47] о культе Митры / Мифры в Северном Причерноморье – одном из древних ареалов славяно-иранских контактов.

4. Псл. *Pravoslavъ ~ авест. *ašam.sravah-*

Славянская форма (первонач. adj.) с препозитивным *prav-, несущим семантику прямоты, истинности (ср. рус. *правое дело*), засвидетельствована в словц. *Pravoslav* – личное имя [16, с. 129] и др.-рус. произв. **православикъ** ‘благочестие’, ср. под 1410–1417 гг. «**Молюся о вашемъ православии всемирносердому Богу**» [6, с. 1350]. Иранский аналог также отмечен в текстах религиозного содержания, ср., в частности, младоавест. формулу *ašam.sravah-* в молитве божеству Аша, где первое составляющее *aša-* – персонификация (как божества) истины, права, правды; это слово также обозначало важное понятие зороастрийской этики и права – ‘святой вечный закон’, ‘божественный порядок’, ‘правда’, ‘вера’ [10, с. 229–230, 258]. Обе формулы выражают идею прославления истины, права, закона или же понятие известности (славности) благодаря деяниям, которые соответствовали представлениям о законности, правильности, праведности.

5. Рус. *славный своей щедростью* ~ авест. *Vīdi-sravah-*

Это редкое в современной русской речи, но все еще обиходное выражение, видимо, относится к достаточно старой фразеологии с компонентами *slyti, *slovo, *slava, имея близкий структурный и семантический иранский аналог в виде авест. *Vīdi-sravah-*, препозитивная часть которого соотносительна с *vīdišā-* ‘щедрость’ [13, с. 206: *Mi-ti-ša*].

6. Псл. *slavomirъ ~ иран. *Šraça-miṛra-

Рефлексы псл. *slavomirъ хорошо засвидетельствованы в памятниках письменности и современном именнике [см.: 7, с. 55–56, 123]. След его иран. аналога (ср. к первой части авест. и младоавест. *svavah-* ‘слово’ [10, с. 1643–1644]) можно усматривать в имени *Стравомытъ*, XI в. – военачальник македонских славян [4, с. 109: без указания источника, откуда было взято имя] = *Stravamitr-? Потенциальность иран. *Šraça-miṛra- доказывается существованием инвертированного *Miṛra-šraça- (см. выше).

Материально и генетически иран. *Šraça-miŋra- (если *Стравомыть* действительно отражает иран. лексему) ближе к псл. *slavomirь и *miro-slavь, чем соотносимое с ними авест. *miŋrahe vaxs* (*miŋrahe vaça yazaitē*) с выраженным мотивом «прославления» Митры [подробнее: 7, с. 94–95]. Общий смысл сложения *šraça- & *miŋra- мог быть тем же, что и в авест. формуле *miŋrahe vaxs* (повторение имени Митры в молитве), в пользу чего свидетельствует замечание Хр. Бартоломэ о варианте известной триады ключевых религиозных терминов *manah-, vaçah-, šyaonana-* в Авесте, где вместо *vaçah-* ‘слово, речь’ представлено *sravah-* [10, с. 1644].

Поскольку в нашем распоряжении только приводимая авторами «Очерка древнейшей истории протословен» искаженная форма, о происхождении которой (из какого – латино- или славяноязычного – памятника она получена?) они ничего не говорят, её интерпретация сопряжена с определенными трудностями. В частности, если это русскоязычная рецепция антропонима из документа, написанного на языке, использующем латинский алфавит, то не известно, насколько адекватно кириллическая запись воспроизводит оригинальную фиксацию. Указанное обстоятельство позволяет считать в значительной мере условными результаты анализа приведенного имени, которое на момент фиксации, видимо, уже частично подверглось адаптации в славянской речи, ср., напр., вставное *t* в группе *sr*, как в случаях с рус. *срам* > *страм*, словн. *sráka* ‘сорока’ при чеш. и словц. *Straka* ‘то же’ и под.

7. Псл. *Sьslavь ~ иран. *Hušraçaḥ-

Сложение этимологически тождественных псл. *sь- : иран. *hu- ‘хороший’ с продолжениями и.-е. *kleц- в иранском и славянском. Слав. имя сохранено в рус. производном топониме, ср. *Сославино* – нас. пункт в Волоколамском р-не Московской обл. Иран. *hu-šraçaḥ- ‘известный, знаменитый’ (букв. ‘имеющий добрую славу’) прослеживается в таких формах, как, напр., мид. *husravah- (в греческой записи ‘Оброѳс [11, с. 127]: к авест. *hu-sravah-* ‘известный, славный’), др.-перс. *(h)u-çavah- (из эламского источника) – имя собственное (букв. ‘известный, знаменитый’), ср.-перс. *husraw*, *xusrav* {*hwslwb*} ‘с доброй славой’, паз. *xusrūb*, кл. перс., тадж. *Xusraw* – имя собственное – с тем же знач. [15, с. 103–104: из *hu-sravah- ~ др.-инд. *su-śravas-*; 8: 3, с. 417]. Ср. еще авест. *haosrava* – личное имя *Хусрав*, *haosravaḥna-* ‘хорошая репутация’, ‘слава’ [5, с. 83, 272].

Как и в некоторых других примерах, представляющих старые именные композиты с и.-е. *su- (и не только), тут славяно-иранское соответствие дополняется индийским, ср. др.-инд. (вед.) *su-śrávas* ‘имеющий добрую славу’ [8: 3, с. 417].

8. Псл. *Široslavъ ~ авест. *dūraē.srawaṭh

Чеш. *Široslav* [14, с. 113: **ширъ, широкъ**], пол. *Szyrosław* – имя, производящее для *Szyrosław* – назв. нас. пункта в Гданьском воеводстве. Сложение основы прилаг. *širъ ‘широкий’ и *slavъ. Ср. близкое в типологическом и, отчасти (генетическое единство псл. *slavъ : иран. *šraça-), этимологическом отношении др.-перс. *Dūrāsrawb*, *Dūršrau*, *Dūrāsr(ō)* ~ авест. *dūraē.srawaṭh ‘имеющий широкую славу’ [12, с. 87: *dūraçsrawaṭh].

9. Псл. *Vojslavъ ~ др.-перс. *Çutayauda-

Серб. стар. *Vojslav*, совр. *Bojucлав*, др.-чеш. *Woizlaus*, чеш. *Vojslav*, а также *Woyzslavus* – личное имя у славян Мекленбурга [14, с. 44: **вои**], др.-пол. *Wojslaw*, *Wojistaw*, *Wojeslaw*, *Woslaw*: *Voyslav* Boguslawic, 1224 г., *Woislau*, 1239 г. и др. [17: VI, с. 176]. Иранский аналог *Šuddayauda* < др.-перс. *Çutayauda- ‘С прославленными воинами’ [3, с. 99] образован по той же схеме, но с компонентами, этимологически отличными от составляющих славянскую лексему.

Завершая этот список сравнений, отметим, что славянский языческий именник содержит достаточное количество имен, для которых (с учетом доступной сегодня эмпирической базы) отсутствуют иранские аналоги – как формально-этимологические, так и семантические (идеологические). Какую-то часть этих антропонимов составляют старые, видимо, еще праиндоевропейские (судя по близким соответствиям в других (неиранских) языках) образования. Еще одна часть представляется инновационной, т.е. (в отношении рассмотренных фактов) образованной в эпоху, когда долговременные культурные контакты с ираноязычным миром остались в прошлом, и деривация новых имен не была затронута иранским влиянием. Восстановление же целостной картины славяно-иранских схождений в указанной группе лексем станет возможным только после описания всего корпуса личных имен этого типа в историческом словаре обеих языковых групп.

Литература

1. Иванов, Вяч. Вс. Проблемы изучения славяно-иранских связей / Вяч. Вс. Иванов // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма : сб. тезисов. – М. : Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1988. – С. 5–7.
2. Кобылина, М.М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. [Текст] / М.М. Кобылина. – М. : Наука, 1978. – 214 с.

3. Лившиц, В.А. Парфянская ономастика [Текст] / В.А. Лившиц. – СПб. : Петерб. лингвист. общество, 2010. – 400 с.
4. Очерк древнейшей истории протословен. Глава вторая [Текст]. – М. : Б. и., 1851. – 154 с.
5. Соколова, В.С. Авеста: Опыт морфологической транскрипции и перевод [Текст] / Подг. материалов к изд. и редактирование И.А. Смирновой. – С.-Петербург : Наука, 2005. – 544 с.
6. Срезневский, И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка [Текст] / И.И. Срезневский. – М. : Книга, 1989. – Т. II. – 1802 с.
7. Топоров, В.Н. Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент **mir-*) [Текст] // Исследования по этимологии и семантике / В.Н. Топоров. – М. : Языки славян. культуры, 2006. – Т. 2. – Кн. 2. – С. 11–141.
8. Расторгуева, В.С. Этимологический словарь иранских языков [Текст] / В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман. – М. : Вост. литература, 2000–2011. – Т. 1–4.
9. Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд [Текст] / под ред. О.Н. Трубачева и А.Ф. Журавлева. – М. : Наука, 1974–2012. – Вып. 1–38.
10. Bartholomae, Chr. Altiranisches Wörterbuch [Text] / Chr. Bartholomae. – Strassburg : Verlag von Karl J. Trübner, 1904. – 2000 s.
11. Hinz, W. Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen [Text] / W. Hinz. – Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1975. – 303 s.
12. Justi, F. Iranisches Namenbuch [Text] / F. Justi. – Marburg, 1895. – 526 s.
13. Mayrhofer, M. Onomastica Persepolitana. Das altiranische Namengut der Persepolis-Täfelchen [Text] / M. Mayrhofer. – Wien : OAW, 1973. – 358 s.
14. Miklosich, F. Die Bildung der slavischen Personen- und Ortsnamen [Text] / F. Miklosich. – Heidelberg : Carl Winter, 1927. – 354 s.
15. Nyberg, H.S. A manual of Pahlavi [Text] / H.S. Nyberg. – Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1974. – P. II. – 294 p.
16. Ovsená, B. Pátranie po tajných slovenských dejinách a slovenskom duchu [Text] / B. Ovsená. – Trnava, 2014. – 179 s.
17. Słownik staropolskich nazw osobowych / Pod red. i ze wstęp. W. Taszyckiego. – Wrocław etc. : PAN, 1965–1985. – T. I–VII.